

Рождественская сказка для взрослых

Виктор
Мамонов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Мамонов

Рождественская сказка для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70097893

SelfPub; 2023

Аннотация

Ночью накануне Рождества город N засыпает долгожданным снегом, но внезапно снегопад останавливается у ворот проклятого места – исправительной колонии № 13. Осужденного Дениса Бахусова преследует призрак горящего человека, а офицер тюремной охраны Константин Фет страдает из-за странной болезни маленькой дочери, которая не знает, что такое смех и радость. Два героя отправляются в невероятное путешествие – краткосрочный отпуск и оказываются связанными тайной прошлого, более крепкой, чем цепочка стальных наручников. Какую цену будут готовы они заплатить, чтобы вернуть утраченный праздник Рождества?

Содержание

1	4
2	6
3	9
4	16
5	24
6	38
7	46
8	59
9	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виктор Мамонов

Рождественская сказка для взрослых

1

В эту зиму долго не было снега и разочарованным людям казалось, что наступающее серое Рождество совсем не похоже на праздник, но хитрый снегопад подкрался к городу N ночью, когда жители погасили огни и забылись тревожным сном. Миллиарды снежинок штурмовали спящие дома и пустые улицы, набегали волна за волной. Наступление развивалось весьма успешно, пока победоносное шествие белой армии не уткнулось в серый бетонный забор исправительной колонии общего режима № 13.

Окруженная со всех сторон враз побледневшим городом, ИК № 13 чернела теплым пятном, словно огромный чугунный люк парящей муниципальной канализации. Безрезультатно бился белый снежный поток о темные тюремные стены. Бушевал, напрыгивал, завывал снегопад в отчаянных атаках, но стояла тюрьма твердо и непоколебимо.

Мир, в котором живут люди относительно свободные, отделен от зоны пребывания людей абсолютно несвободных

всего лишь четырьмя заборами с колючей проволокой. Первый забор с честью выдержал напор снежной стихии, и лишь редкие снежинки перемахивали спираль злой колючки, в неистовом порыве перелетали через второй забор и, вконец обессилев, падали на взрыхленную контрольно-следовую полосу между рядами заборов. Одинокая снежинка слаба – и быстро погибает даже на гостеприимной земле.

Свидетелями удивительного природного явления были только часовые-автоматчики на вышках и безразличные лупоглазые камеры системы видеонаблюдения. Что люди, что видеокамеры привыкли к бесконечному круговороту тюремной жизни. Каждый день – как предыдущий, и ночь сменяет день, а если нет побега или бунта, то можно сказать, что ничего не происходит. Все просто и понятно должно быть по уставу караульной службы, и смысла нет мечтать о чудесах.

И баюкала метель часовых, и проваливались они в сладкую дрему, а через мгновенье выныривали, судорожно цепляясь испуганным разумом за крепкую основу изъеденной молью обыденности.

2

Горящий заживо человек был похож на огненный факел. Пламя охватило фигуру мужчины полностью, с ног до головы. Огонь пожирал одежду с шумом и треском. Бедняга раскинул руки в стороны и медленно шел на ощупь, будто слепой, боясь оступиться. Паники не было, несчастный не убежал, не катался по земле в попытках сбить пламя, не звал на помощь. Он шел в темноте, освещая дорогу собственным пламенем в поисках чего-то или кого-то.

Денис замер и постарался не дышать. Сердце бешено колотилось в груди. Ужас мощной волной поднялся из самого нутра и застрял в горле. Юноша укрылся за толстым деревом и осторожно выглянул. Горящий человек шел по темному оврагу, выставив перед собой объятые пламенем руки, оставляя за собой огненные следы. Загорались сухие ветки кустов и пучки жухлой травы, к которым он прикасался, падали горящие ошметки одежды, обозначая пунктиром путь живого костра. Он приближался, но Денис надеялся, что тропа уведет горящего человека в сторону, и присел под деревом, прижавшись спиной к толстому стволу. Юноша постарался стать как можно меньше и незаметнее, он боялся, что горящий человек увидит его, хотя в голове пульсировала мысль – что может видеть человек с горящим лицом и глазами?

Внезапно огненные руки обхватили толстый ствол дере-

ва на уровне роста взрослого человека, прямо в том месте, где секунду назад была шея Дениса. Пламенеющие искры посыпались на голову присевшего внизу юноши. Он закричал и отпрыгнул, в прыжке развернулся и упал навзничь. Денис смотрел на горящие руки, обхватившие ствол дерева. Самого тела видно не было. Только пылающие руки и растопыренные пальцы, вцепившиеся в древесную кору. Из-за дерева медленно выглянула голова человека, объятая пламенем. Сквозь языки огня можно было различить искаженные черты лица – и вот губы горящего человека растянулись в широкой зловещей улыбке.

Денис заорал, развернулся и на четвереньках, по-собачьи, постарался выбраться вверх по склону глубокого оврага. Руки вгрызались в землю, ломая ногти, камни вылетали из-под подошв, колючие ветки кустов расцарапали лицо, но Денис зарывался в чащу все выше и выше. Прочь от огненного человека.

Вдруг чья-то железная хватка вцепилась в ногу юноши. Денис оглянулся из-под подмышки и увидел пламенеющую руку, держащую его щиколотку. Он ухватился руками за корни кустов и подтянулся. Еще чуть-чуть. Но горящий человек взялся второй рукой за его ногу и мощным рывком выдернул юношу из кустов, как беспомощную испуганную крысу.

Денис замер, припечатанный спиной к холодной земле. Огненный человек навис над юношей. Его лицо было совсем

рядом. Дениса обдало жаром. Юноша во все глаза смотрел в пламенеющее лицо. Огненный человек раскрыл рот и громко спросил:

– Почему?

Даже звук этого голоса был горячим, густым, как будто проходящим сквозь стену огня. Юноша застыл, не в силах ответить или пошевелиться. Жар от пламени был таким сильным, что выступил пот, а во рту пересохло.

– ПОЧЕМУ? – заревел огненный человек.

Поток горячего воздуха обдал Дениса и мгновенно сдул вокруг весь мусор, листочки и травинки. Голос огненного человека, как иерихонская труба, оглушил юношу. Он лежал освещенный и обжигаемый пламенем, и его разум отключился, остались только рефлексy. Денис почувствовал, что проваливается куда-то, и вдруг окружающий мир перестал существовать.

3

Денис открыл глаза и резко проснулся. Проснулся нехорошо. Грудь вздымалась в учащенном дыхании, как у загнанной лошади, сердце колотилось, по телу выступил холодный пот. Боясь пошевелиться, юноша настороженно огляделся, вращая исключительно выпученными глазами. Его тело лежало на кровати под синим казенным одеялом в аккуратной позе живого мертвеца. Над головой живописно раскинулась панцирная сетка двухъярусной железной кровати и проглядывался продавленный серый матрас соседа сверху.

– У-у-у-уф, – облегченно выдохнул Денис.

Юноша приподнял голову и оглядел переполненный кубрик, заставленный железными армейскими кроватями в два ряда. От соседа слева спальное место Дениса было отгорожено самовольно натянутой лишней простыней, создававшей своим застиранным полотном хоть какое-то подобие уюта. Соседи справа на обоих ярусах мирно похрапывали. На крючках по спинкам кроватей висели зэковские черные рубы с именными бирками на груди. Отряд спал. Юноша взял с тумбочки железную кружку и отпил немного холодной воды, промочив пересохшее горло. Судя по темноте за окном, до подъема еще оставалось немного времени.

– Как же хорошо, – прошептал Денис с улыбкой.

Он блаженно уронил голову на подушку и, устроившись

поудобнее на бочок, зажмурил глаза. И только измученный разум вновь стал погружаться в сон, как по закрытым векам опять пробежал луч света. Денис замер и перестал дышать. Боясь открыть глаза, он напряг другие органы чувств – слух, обоняние, даже кожей пытался уловить малейшее колебание воздуха.

Огненный человек медленно шел по коридору вдоль двухъярусных кроватей, заглядывая в лица спящих эков. Он явно кого-то искал. Денис точно знал, что огненный человек пришел за ним. *Что делать? Бежать, переворачивая кровати и перепрыгивая через ничего не понимающих спр-сонья осужденных, или табуреткой выбить окно и выпрыгнуть на улицу со второго этажа? А если огненный человек побежит следом и тоже прыгнет в окно? Укрыться одеялом с головой, затаиться в надежде, что огненный человек не узнает его и пройдет мимо? А если он почувствует звериным чутьем свою жертву и сорвет пламенеющей рукой жалкое одеяло? Вступить в борьбу с огненным человеком и выплеснуть ему в пламенеющую харю остатки воды из кружки? Покориться и погибнуть в огненных объятиях?*

Различные варианты мгновенно пронеслись в воображении Дениса, но он не решился выполнить ни один из них.

Свечение сквозь закрытые веки становилось все ярче и ярче, набирало мощь, подобную жаркому летнему солнцу. Денис приготовился к неизбежному и смело посмотрел навстречу приближающемуся ужасу. В глаза ударил яркий луч

мощного электрического фонаря, и юноша зажмурился. Луч пошел дальше скользить по фигурам ворочающихся осужденных, а Денис тупо глядел в зеленые спины двух прапорщиков дежурной смены, производящих ночную проверку. Закончив подсчет и записав количество эков в блокнот, прапорщики преспокойно удалились. Им явно не мерещились ночные кошмары.

Денис в очередной раз прилег, но сон как рукой сняло. Мокрая от пота подушка стала холодной и неудобной. Юноша сел на кровати и опустил босые ноги на холодный пол. Свежесть отрезвила, и призраки покинули окончательно проснувшееся сознание. Все стало простым и понятным. И от этого на душе стало еще тяжелее.

Нашарил ногою тапочки, встал и в нижнем белье вышел из кубрика в коридор. По освещенному коридору прошел в обшарпанный туалет, справил малую нужду в убогую дырку на небольшом бетонном постаменте, гордо именуемую в цивилизованных источниках «чашей Генуя» или напольным унитазом, а в тюрьме называемую «очко» или «толчок». Пока журчала струя, разглядывал облупленную масляную краску ядовитого зеленого цвета, в которую были выкрашены стены много лет назад. Все трещинки и сколы были хорошо знакомы Денису, однако звуки падающей воды в окружающей тишине наводили на странный медитативный лад. Закончив, стряхнул последние капли и натянул кальсоны. Почесывая пузо, прошел к умывальнику и трижды умылся холодной во-

дой. Отфыркался и утерся ладонями. Поднял голову и посмотрел на собственное отражение в треснутом зеркале на стене.

В зеркале увидел злое лицо с короткой стрижкой. Колючие глаза, не ждущие ничего хорошего, и пара морщинок, придающих серьезность и отчаянную дерзость. Капли воды стекали по лицу на майку, а Денис разглядывал себя, не обращая на это внимания, пытаясь понять, когда же он успел повзрослеть.

– Стареешь, бродяга, – приободрил сам себя и улыбнулся.

Улыбка получилась кривоватой и не очень-то оптимистичной. Денис постарался вспомнить, когда он первый раз увидел горящего человека. *Сколько лет прошло? Сейчас ему двадцать четыре, а ЭТО произошло, когда ему было семнадцать. Уже около семи годков назад.*

Подойдя к окну, Денис посмотрел сквозь пыльное стекло на улицу, словно хотел там найти какие-то подсказки. ИК № 13 находилась в пригороде, и из окон некоторых бараков можно было видеть поверх заборов и колючей проволоки верхние этажи жилых домов недалеко на воле. Осужденных успокаивало созерцание вечером зажженных огней в окнах свободных людей. Можно было фантазировать, как кто-то там ужинает за семейным столом или смотрит телевизор, а может быть, кто-то задернул шторы и устроил романтический вечер при свечах. Можно было мечтать, что когда-нибудь по освобождению этим неизвестным, но очень счастли-

вым человеком станешь ты.

В окне было темно и холодно. Теплых окон в свободных домах видно не было, как и самих домов. Они были скрыты стеной падающего снега.

– Странно, – сказал Денис.

Сложив ладони у глаз наподобие бинокля, чтобы блики освещения не мешали, Денис прижался лицом к окну. Он всматривался в даль, и то, что он увидел, очень его озадачило. Снег шел стеной, но точно за забором колонии. На территории ИК № 13 безраздельно царила серая грязная осень, затянувшаяся до декабря.

– Почему нет снега? На воле снег есть, а в зоне снега нет. Что за чертовщина?

Он внимательно всматривался, скользил взглядом, насколько позволял угол обзора, но нет – ни одного сугроба, ни одного признака присутствия снега на территории зоны не увидел. Выпрямился, отошел от окна и задумчиво посмотрел на свое отражение в зеркале.

– Здесь типа проклятая земля? Они там, наверху, совсем охренели, за людей нас не считают? Скоро Рождество, – сказал Денис и осекся.

Догадка осенила настолько внезапно, что Денис, быстро лязгнув зубами, прикусил язык. Рука инстинктивно дернулась ко рту, по лицу пробежала гримаса боли. Сплюнул в раковину кровавую слюну. Раскрыв рот, осмотрел высунутый язык в зеркале. Ранка была небольшая, чуть царапнул зуба-

ми.

– Надо что-то делать. Срочно, – сказал Денис и вышел из туалетной комнаты.

Пройдя к своей кровати, быстро и тихо оделся, взял телогрейку и шапку-ушанку. Затем отыскал в темноте знакомого осужденного и растолкал его.

– Сыч, проснись, дай трубу.

– Ты чо, охренел? Время сколько? – ответил недовольный Сыч.

– Вилы как надо. Дай трубу.

– Двойной тариф, – пробурчал Сыч.

– Базара нет, давай, – согласился Денис.

Сыч нехотя поднялся, поколдовал с табуреткой, открыл встроенный в двойное дно сиденья тайник, достал отдельно простенький кнопочный мобильный телефон и отдельно батарею. Умелыми движениями собрал телефон и протянул Денису.

– Верну через пятнадцать минут, – прошептал Денис.

Надев телогрейку и шапку, Денис вышел в локальный дворик, в котором в столь ранний час никого не было. Отойдя в дальний угол, он набрал по памяти номер телефона и позвонил. Ветер завывал. Холодный, злой вихрь гонял по асфальту мелкий мусор и опавшие листья. Бил в лицо хлестко, наотмашь. Денис прижал мобильный телефон к уху и поднял воротник, закрываясь от ветра и чьих-либо любопытных ушей.

– Простите, что ночью, но это очень важно. Вопрос жизни и смерти, – доносились слова Дениса сквозь порывы ветра.

Ветер гулял и веселился. Денис просил. Его собеседника было практически не слышно.

– Да я уже не маленький, чтобы верить в чудеса, – говорил Денис.

Одинокая нахохлившаяся фигура Дениса в темноте выглядела странно. Он практически забился в угол бетонного забора у примитивной спортплощадки – турника и брусьев, грубо сваренных из старых труб. Что-то говорил, кивая головой. Если не знать, что у него мобильный телефон, можно было подумать, что он молится неизвестному богу.

– Помогите – и больше никогда обо мне не услышите, – попросил Денис, а на том конце положили трубку.

4

Будильник затрезвонил резко. 06:30 на часах. Константин выключил противный звонок и рухнул на подушку. Долежать, досмотреть, доспать хоть пять минут еще. Через мгновение тренированная воля взяла под контроль расслабленное тело и Константин открыл глаза. В темной комнате было тепло и тихо, из коридора в щель двери пробивался слабый свет от ночника. Они всегда оставляли включенным ночник в коридоре, потому что в соседней комнате спала пятилетняя дочь. Многие подумают, что в пять лет детей не следует оставлять спать одних в комнате, но Аполлония была необычным ребенком. Константин положил руку на плечо жены, спящей рядом, и Лена тут же отозвалась усталым шепотом:

– Еще минуточку.

Константин оставил жену в покое и побрел в ванную комнату. Быстро умылся и привычными движениями сбрил вечерашнюю щетину электробритвой, бросая в зеркало короткие взгляды исключительно по делу – проверяя чистоту бритья. Он не любил рассматривать по утрам свое хмурое лицо, но, закончив процедуры и освежившись одеколоном, посмотрел в зеркало снова. На этот раз долгим задумчивым взглядом. И натянул на лицо широкую фальшивую улыбку. Получилось гаденько.

– Так и плюнул бы в рожу, – вырвалось из Константина.

Звонко похлопал ладошками по щекам до розовой кожи, словно старорежимный энергичный брадобрей. Улыбнулся. Получилось весело и искренно.

– Вот так-то лучше.

Дверь отворилась, вошла заспанная Лена с еще помятой прической, запахивая на ходу воздушный халатик. Она щурилась от яркого освещения и на ходу поправляла волосы, стараясь выглядеть привлекательно перед его глазами.

– Костя, разбудишь Полю?

– Конечно, дорогая.

Он взял ее за плечи и попытался поцеловать в губы. Она смутилась и отвернулась.

– Ну-у, я зубы еще не почистила.

Константин расхохотался и уверенной походкой пошел в комнату дочери. Перед входом в детскую все-таки остановился на мгновение, приготовился и, глубоко вздохнув, открыл дверь недрогнувшей рукой.

Дочка спала в комнате, больше похожей на казарму, чем на будуар маленькой принцессы. Веселые детские обои с героями диснеевских мультфильмов были безвозвратно испорчены. Черная краска безжалостно прошла по симпатичным мордам Винни-Пуха и компании. Милые мягкие игрушки и куклы-красавицы свалены в картонные коробки с надписью «В детский дом» в самом углу комнаты. Радостные праздничные платья уступили место стильным, но стро-

гим вещам серо-черной цветовой гаммы. Константин прошелся по комнате, огляделся в полутьме, поправил приоткрытую дверцу шкафа и остановился у кровати дочери.

Аполлония спала спокойно и дисциплинированно. Белая подушка, белый пододеяльник и белая маечка на девочке. Аккуратные волосы, поза лежа на спине с вытянутыми руками поверх одеяла. Обычно дети так не спят, они вертятся и крутятся, вечно сбрасывают одеяло.

Константин присел на краешек кровати и взял дочь за руку. Пухлая детская ладошка утонула в нежных мужских ладонях.

– Аполлония, просыпайся, солнышко, – ласково позвал он.

Девочка открыла глаза так быстро, как будто бы и не спала вовсе.

– Я уже не сплю. Папа, хватит сюсюкать. Я девочка, а не солнышко, – ответила дочь.

С сожалением отпустив ручку девочки, Константин встал и подошел к окну. Он посмотрел во двор и увидел белый снег, заваливший округу еще никем не тронутым в столь ранний час сверкающим пухом. Константин обрадовался и обернулся к дочери:

– Смотри, снег выпал! Как красиво!

– С опозданием. Опять гидрометцентр ошибся в прогнозах, – ответила девочка.

Аполлония села на кровати и болтала свешенными нож-

ками. При этом ее лицо оставалось абсолютно серьезным. Никакого желания бросаться к окну у девочки не было.

– Наконец-то. Как же без снега? Скоро Рождество! – сказал Константин, не в силах отвести взгляд от искрящихся сугробов и затейливо увитых инеем веток деревьев.

– Я тебя умоляю, папа. Это всего лишь очередной день календаря, – бесстрастно произнесла дочь.

Константин разочарованно посмотрел на дочь, а потом снова уставился в окно. Рождественский пейзаж за окном потерял свое очарование. Собравшись с силами, Константин подошел к дочери и погладил ее по головке:

– Ступай умываться.

Проводив дочь, Константин зашел в кухню, где уже всю хлопотала жена – готовила завтрак. В тостере поджаривался ароматный хлеб, шкворчала яичница на сковородке, в пузатом чайнике заваривался чай. Константин прошелся по кухне, ухватил ломтик сыра из нарезки на столе и, пожевавывая, щелкнул пультом. Маленький телевизор на стене включился на канале новостей. Константин убавил звук до фонового и спросил жену:

– Что сказал врач?

– Ничего. Он не может поставить диагноз, – ответила Лена.

– Какой уж тут диагноз. Девочка никогда не смеется. Я даже улыбки ее добиться не могу, – раздосадованно сказал Константин.

– Говорят, это возрастное, пройдет со временем. Рекомендовали хорошего врача в Москве, профессор, психотерапевт. Может быть, съездим после праздников?

– Съездим. Только врачам я уже не верю, – пробурчал Константин.

Дочка вышла из ванной, и Константин чуть прибавил звук телевизора. Лена метнулась навстречу и обняла дочь.

– С добрым утром, доченька. Идем, садись.

Семья уселась за стол и начала завтракать. По телевизору в новостях показывали очередной природный катаклизм. В Африке выпал снег, в Америке ледяной дождь, Европа столкнулась с небывалыми морозами. Комментатор перечислял количество бездомных, замерзших насмерть этой ночью на улицах Парижа и Берлина. Лена посмотрела строго и требовательно, после чего Константин схватил пульт и начал листать каналы в поисках более подходящей темы для тихого семейного завтрака.

Мелькнул репортаж из Великого Устюга, и Константин сразу же прибавил звук. В светлом сосновом лесу располагается вотчина Деда Мороза. Зазвенели волшебные музыкальные колокольчики. На крыльце высокого деревянного терема стоит сказочно красивый Дед Мороз с длинной белой окладистой бородой. Могучим, но добрым голосом он поздравляет всех с наступающим Рождеством, приглашает детей к себе в гости и обещает всем подарки. Ворота его вотчины открывают путь к чудесам, помощники Деда Мороза

радостно встречают гостей и помогают им поверить в волшебство.

– Лена, Поля, а давайте поедem в гости к Деду Морозу, – предложил Константин.

– Отлично! Я всегда об этом мечтала, – Лена захлопала в ладоши.

– Мама, папа, Деда Мороза не существует. Это просто бизнес на доверчивых туристах, – сказала Аполлония с укоризной.

– Как не существует? Я в него верю с самого детства, – ответила Лена.

– Да вот же он. Самый настоящий Дед Мороз, – заверил Константин, уверенно указывая в телевизор.

– Люди страдают, люди умирают, целые экосистемы рушатся, мы находимся в начале массового вымирания, а все, о чем вы можете говорить, это о сказках, придуманных для обмана детей? – спросила Аполлония с чувством крайней озабоченности.

Возникла неловкая пауза.

– Я понимаю, дочка, ты пересмотрела телевизор и тебе кажется, что происходит ужасное, но поверь, все не так страшно. Ты ребенок, и у тебя должно быть детство, игры, подружки и вера в чудеса, – ответил Константин, стараясь выглядеть добрым наставником.

– Вы, взрослые, всегда говорите, что слышите и понимаете нас, но часто обманываете. Конечно, для нашего же бла-

га. Мы, молодое поколение, смотрим на вас внимательно и хотим знать правду. Мир просыпается, и приближаются перемены, нравится вам это или нет! – закричала Аполлония.

За столом воцарилась тишина. Константин не нашелся, что ответить, и деловито начал ковырять вилкой в тарелке. Лена прикрыла ладошками рот и жалостливо смотрела на дочь. Аполлония взяла пульт и сама переключила на канал новостей. На экране замелькали тревожные кадры очередной войны.

– Хватит! – заорал Константин.

Он вырвал пульт и выключил телевизор.

– Больше мы не будем смотреть это дерьмо! Неужели нельзя просто поесть, без политики, без глобальных проблем? Поговорить о чем-то добром и вечном.

Константин в отчаянии бросил вилку в тарелку с остатками еды. Раздался звон, и по столу полетели ошметки яичницы.

– Все. Я на работу, – сказал Константин и вышел из-за стола.

Лена прибрала беспорядок и спросила дочь:

– Хочешь, я сделаю свежесжатый апельсиновый сок?

– Нет. У него высокий гликемический индекс, но все равно спасибо, – ответила Аполлония ровным голосом.

Мать и дочь сидели за столом в кухне и видели в открытую дверь, как по коридору прошел злой Константин в форме лейтенанта ФСИН. Наклонился, чертыхаясь, покопался с

высокими берцами. Затем резко накинул бушлат, но не застегнул молнию, небрежно напялил шапку с кокардой чуть набекрень и в таком несобранном виде завалился в кухню.

– Нет! Мы поедem к Деду Морозу! И ты прочитаешь стишок и получишь подарок, как хорошая и послушная девочка. А еще ты будешь улыбаться, и мы сделаем праздничные фотографии. Как у нормальных людей! – выпалил Константин.

Он усталился на дочь яростными зырками, не терпящими возражений, и Аполлония не стала возражать. Она оставалась хладнокровно спокойной и сдержанной. Выдержала тяжелый взгляд отца.

– Хорошо, папочка, – ответила Аполлония кротко.

Лена решительно встала перед Константином оперев руки с сжатыми кулаками в бока. Выражение глаз жены отрезвило Константина. Это был взгляд разъяренной волчицы, вставшей на защиту своего детеныша. Решив не связываться с женой, Константин развернулся и молча, не прощаясь, вышел из квартиры, хлопнув дверью.

5

Константин топтал свежий снег тяжелыми берцами с тракторной подошвой. Сейчас, после ссоры с дочерью, белый холодный пух вызывал в нем не радость, которая охватывает человека при встрече с первым снегом, а ненависть. В данную минуту Константин испытывал только отвращение и неприязнь ко всему белому и чистому. Он шел по нетронутой снежной полосе и нарочито втоптывал снежный покров в серый асфальт. Иногда пинал ногами наиболее живописные сугробы и красивые заснеженные кусты. Разрушенные, они теряли неповторимое зимнее обаяние.

– НА! Получай!

Иногда по несколько раз сильно подпрыгивал и жестко приземлялся сразу двумя ногами, нанося наиболее тяжкие раны белоснежной пороше.

– Вот тебе! Вот тебе!

На широком тротуаре разбежался и скользил, спотыкаясь и поскользываясь, оставляя за собой рваные черные полосы, похожие на глубокие колеи, оставленные бешеным пьяным танкистом.

– Йоху! А так нравится?

Удовлетворенно оглядывался, лицезрел творение собственных черных подошв на белом холсте. И только удостоверившись, что на всем пути его следования природная

милота рождественского утра безвозвратно испорчена, Константин немного успокоился.

Редкие встречные прохожие, завидев издалека озорную фигуру крепкого мужчины в форменной одежде, предпочитали сразу же перебежать на другую сторону улицы.

Учитывая, что сегодня он вышел из дому чуть раньше обычного, Константин не спеша, размеренным шагом подошел к колонии. На воротах крупными трафаретными буквами обозначалось: «Исправительная колония № 13», и большим красным шрифтом: «РЕЖИМНАЯ ТЕРРИТОРИЯ». Дернув за ручку металлической калитки, Константин оказался в небольшом проходном помещении вахты. За стеклом каморки дежурного сидел задремавший старичок, осужденный-бесконвойник Полуянов, в обязанности которого входило открывать-закрывать ворота и убирать прилегающую территорию. Дверь за спиной Константина хлопнула, и бесконвойник вскочил как подорванный.

– Здравствуйте, гражданин начальник! – выпалил бесконвойник.

Глаза осужденного испуганно моргали, рот ощерился в беззубой приветливой улыбке, фигура согнулась в угодническом полупоклоне. Битый временем старик боялся всех без исключения людей в погонах.

– Не спать, волчье племя! – рявкнул Константин и прошел через проходной коридор вахты в просторный двор колонии.

Справа от него располагались хозяйственные помещения,

склады и гараж. Слева – два ведомственных двухэтажных дома со служебными квартирами для семейных сотрудников и двухэтажное административное здание учреждения. Сотрудники колоний работают как бы на два офиса. Один – непосредственно в зоне, среди осужденных, а другой – за колючей проволокой, среди свободных людей. За зоной находятся штаб, актовый зал, столовая для сотрудников, канцелярия и спецчасть с секретными документами, кабинеты начальства и оперсостава, комнаты хранения оружия и кое-что другое. Кабинеты и помещения в самой зоне существуют как бы с оговоркой. Типа здания посольства во вражеской стране. В них можно весьма комфортно разместиться, работать и даже ночевать при суточном дежурстве, но в случае бунта их, возможно, придется покинуть. Тогда ничего из находящегося в данных помещениях не должно быть использовано врагом против вас.

Указанные здания размещались с трех сторон широкого квадратного плаца. С четвертой, фронтальной, стороны высились стены, увенчанные спиралями колючей проволоки и прожекторами. Окна зданий, встроенные в стену, и главный контрольно-пропускной пункт зарешечены толстыми железными прутьями, а где-то закрыты металлическими жалюзи. По центру стены в главном трехэтажном КПП – огромные раздвижные металлические ворота с примитивными противотаранными устройствами, а также небольшая лестница с глухой железной дверью в конце. Видимая простота метал-

лических ворот и дверей вызывала неуместные мысли о легкости преодоления данных препятствий. Так же, как и видимая серость шербоатого бетонного забора, совсем не похожего на крепостную стену.

Однако попытавшийся преодолеть столь, казалось бы, уязвимые преграды столкнулся бы с четырьмя рубежами инженерно-технических заграждений, построенных по принципу шлюза. Дверь перед тобой никогда не откроется, пока не закроется дверь за твоей спиной. А вот оказаться между двумя закрытыми дверями можно легко. И тогда некуда мышке деваться.

Поистине гениальный изобретатель придумал шлюз, но вряд ли он понимал, какой философский смысл оказался вложен в простой переход из одного физического состояния в другое. Пока ты не простишься со старым, двери нового не откроются. А если в этот момент окажешься во власти врагов, то они могут поместить тебя в безвременье.

Сотрудники ФСИН излишней эмоциональностью и склонностью к философствованию не страдают. Для них переход между мирами – это ежедневная рутина, порой по несколько раз за день. Из мира свободы – в мир рабов. Из мира вонючих черных телогреек – в мир изысканных дамских духов и воздушных платьев.

Направо и налево, куда хватало взгляда, тянулась бетонная стена с колючей проволокой. Конца и края видно не было, лента стены скрывалась за другими зданиями, но Кон-

стантин точно знал, что на концах забора стоят сторожевые вышки с часовыми. И у часовых в руках надежные автоматы Калашникова с тридцатью боевыми патронами. Он всегда помнил об этом. Это обстоятельство подспудно вселяло уверенность, особенно тогда, когда он, как положено, входил в зону без оружия. Дежурная смена пользовалась резиновыми палками, перцовыми баллончиками и наручниками. Опера старались обходиться умом и словом, чаще совсем даже не добрым. Иногда крепкой рукой. И только в крайних случаях спецсредствами. Однажды он оказался один перед двумя сотнями возмущенных зэков и сумел их утихомирить, но даже тогда где-то в глубине подсознания он помнил о часовых на вышках. И тяжелых маслянистых патронах с остроносой пулей и красным ободком, в надежде на освобождение выглядывающих друг за дружкой из узкого окошка снаряженного магазина. Будучи курсантом, он сам зарядил бесчисленное количество патронов в караулах и на стрельбах, поэтому мысленно и тактильно представлял эту картину в мельчайших подробностях. Патроны годами живут в ожидании полета в тесных коробках и масляных цинках. Мечтают попасть в магазин, ведь это уже так близко к цели, совсем рядом со стволом. А когда наконец получают свободу, то взрываются от радости и оглашают окрестности победным криком. ТА! – первый пошел. ТА-ТА-ТА! – следом дружная компания.

Константин даже остановился посреди плаца от удовольствия при внезапном воспоминании. Он ясно увидел себя на

стрельбище. Брезентовая плащ-палатка расстелена на земле, рядом вскрытый цинк с патронами и АКМ. Константин участвовал в обеспечении больших стрельб, и по окончании прапорщик выдал оставшийся цинк особо отличившимся курсантам. Каждый набирал патроны пригоршнями, самостоятельно снаряжал магазины и стрелял сколько душе угодно на пустынном стрельбище. Умелыми движениями он вдавливал большим пальцем патроны в магазин до легкого щелчка, так каждый патрон нажимал на собрата и прогибал пружину до полной зарядки. Затем, защелкнув магазин, Константин взял автомат на изготовку и прицелился в ростовую мишень. Черный силуэт человека. Навел мушку по центру. Затаил дыхание. Плавно нажал на спуск. ТА! – одиночный выстрел. ТА-ТА! – короткая очередь. Он видел, как в черном силуэте появлялись маленькие белесые дырочки, а за мишенью пули, пробившие бумагу и фанеру насквозь, взрыхляли фонтанчики пыльной земли. Он любил стрелять и умел хорошо это делать. ТА-ТА-ТА-ТА – волшебной музыкой прокатились приятные воспоминания.

Оглядевшись, Константин внезапно заметил, что плац абсолютно лишен снежного покрова. Везде, куда бросал взгляд, на территории ИК № 13 снега не было. Вся эта белая мутотень осталась за воротами учреждения. Здесь царил режим и порядок. На твердых ногах, уверенной походкой Константин направился к главному КПП. Он ощущал себя великолепно, улыбнулся и промолвил от избытка чувств:

– Ну как же хорошо!

Забежав по лестнице, он позвонил в звонок, и глухая металлическая дверь отворилась с громким жужжанием электрического замка. Константин зашел в тамбур КПП и хлопнул за собой тяжелую дверь. Перед ним находился второй рубеж в виде прочной решетчатой стены с калиткой, сваренной из толстых железных прутьев. Красные плакаты предупреждали: «Проход через КПП не более трех человек» и «Внимание! Необходимо сдать на КПП оружие, средства мобильной связи, фото-, аудио- и видеозаписывающую аппаратуру». Сквозь железные прутья прямо и чуть правее виднелось зарешеченное стекло дежурного по КПП. Самого дежурного видно не было, только падающий из окна электрический свет, но Константин точно знал, что дежурный его прекрасно видит через специальное зеркало и на мониторе системы видеонаблюдения. Константин взялся рукой за прут калитки и легонько дернул, закрытый затвор чуть клацнул, и дежурный нажал на кнопку электрического замка. Раздалось привычное жужжание, и Константин открыл и закрыл за собой тяжелую скрипучую дверь. Оказавшись перед окном дежурной по КПП, он широко улыбнулся знакомой девушке – сержанту ФСИН:

– Доброе утро, Людочка!

– Доброе утро, Константин, – улыбнулась она в ответ.

Далее произошел привычный ритуал. Константин отдал служебное удостоверение и мобильный телефон, а взамен

услышал номер ячейки, который нужно было назвать при выходе. Тогда дежурный возьмет удостоверение и проверит личность сотрудника, прежде чем позволит ему покинуть учреждение. Нехитрая процедура исключала выход нежелательного лица по чужим документам. Поочередно зажужжали еще одна решетчатая дверь и еще одна глухая железная, и Константин оказался в зоне. Вдохнув знакомый специфический запах, опер сбежал по ступенькам крыльца и оказался перед забором из железных прутьев и колючей проволоки. Нажал звонок, услышал привычное жужжание, калитка распахнулась, затем захлопнул ее за собой с металлическим лязгом. Вот теперь он точно в зоне.

Одноэтажный штаб администрации ИК № 13 встретил радушно. Дневальный штаба, осужденный Фан, ожидал в коридоре, из каморки дневальных доносился звук новостей от работающего телевизора.

– Доброе утро, гражданин начальник! Вы сегодня рано.

– Доброе, Фан. Сделай чаю.

Константин открыл ключом дверь своего кабинета и зашел внутрь. На двери висела табличка: «Оперативный отдел – Константин Юрьевич Феб».

Константин снял и повесил верхнюю одежду в шкаф. Сел за рабочий стол и щелкнул пультом телевизора, висевшего в углу кабинета на кронштейне. Экран зажегся на канале местных новостей.

Через секунду в кабинет бесшумно зашел Фан. Он был

одет в мягкие войлочные тапочки и ступал быстро, но осторожно. Хозяйственный дневальный принес крепкий чай в граненом стакане и холодную котлету на куске хлеба в тарелочке. Чай в штабе подавали исключительно в граненых стаканах и никелированных подстаканниках, как в РЖД, но с гербами СССР.

– Котлеты столовские остались. Вдруг вы без завтрака, – сказал Фан.

– Спасибо! Весьма кстати, – Константин радостно потер ладони.

Фан исчез так же неуловимо, как и зашел.

В дверь постучали, и в кабинете появился осужденный, нервно сжимающий в руках черную пушистую шапку-ушанку.

– Разрешите, гражданин начальник? Осужденный Бахусов Денис Александрович, пятый отряд, по личному.

– Чо надо?

– Отпустите в отпуск на два дня, пожалуйста. Отец умер.

Константин со звоном размешал ложечкой сахар в стакане и прихлебнул горячий чай. Крепко заваренный, темно-рубиновый.

Нервными руками Денис выкрутил ворсистую шапку в тугой завиток и, набравшись смелости, попросил:

– Положено ведь. Крайние обстоятельства. Похороны.

– Кому положено, а кому-то наложено, – ответил Константин.

Острые и цепкие глаза опера посмотрели так сурово, что Денис сразу понял – *удачи не видать*.

– Напомни, Бахусов, сколько тебе наложил за твои подвиги наш самый гуманный суд?

– Семь лет, – ответил Денис с унылой ухмылкой.

– Вот! У тебя за душой – кража, грабеж и хулиганка. У твоего кореша – убийство, у другого – тяжкие телесные. Тот – изнасилование. Каждый третий – наркоман. Вы все отбросы общества, Бахусов. Вас сюда определили отбывать наказание и перевоспитываться. Ты уже перевоспитался?

– Я стараюсь, – Денис пожал плечами.

Константин хохотнул коротко и зло, а потом посмотрел презрительно. Денис поежился, но продолжил:

– Гражданин начальник, мне осталось всего полгода сидеть, то есть отбывать наказание. Я точно не сбегу, смысла нет. А так хоть попрощаюсь с родителем.

Рожа Дениса была чрезвычайно скорбная, того и гляди слезы побегут из глаз. Преисполненный чувств, он подошел к самому столу опера, прижимая к груди измятую шапку. Константин откусил бутерброд с котлетой и запил чаем, а затем пробубнил, жуя и зажмуриваясь от удовольствия:

– Чо ты тут исполняешь? За почти семь лет отец ни разу тебе ни письма, ни посылки, ни свиданки.

– Ну так отец все-таки, какой ни есть, а проститься надо. Очень надо! – умолял Денис.

– Ну все, концерт окончен. Давай, до свиданья! Я вообще

в отпуске с завтрашнего дня, – махнул рукой опер.

На местном канале теленовостей началась реклама, и, как водится, для рекламы существенно прибавили звук. Громкая чарующая музыка сопровождала искрящиеся символы знаков зодиака, вращающиеся в неведомом танце по экрану телевизора. Константин и Денис резко обернулись на звук и дружно уставились в голубой телеэкран.

– Колдунья в седьмом поколении. Победитель «Битвы экстрасенсов», тринадцатый сезон. Ясновидящая Черная Мамба! – возвестил торжественный закадровый голос.

На экране появилось нечто черное, женского пола, настолько пугающее, что Константин с Денисом разом вздрогнули. Бледное, как саван покойника, лицо. Длинные прямые черные волосы и треугольная челка, подчеркивающая линию бровей. Глаза густо обведены черной тушью в виде полумаски, а вместо бровей – темные пунктиры блесков. На белом фоне глазных яблок сверкали черные зрачки с пристальным взглядом. Но самым ужасающим был рот. Точнее, грубая черная горизонтальная линия с крупными вертикальными стежками, словно мертвецу разрезали рот от уха до уха и потом небрежно зашили.

– Твою же мать, – вырвалось у Константина. Рука дрогнула, и ложечка звякнула в стакане с недопитым чаем.

– ВЫ! Вы, неверующие ни в Бога, ни в черта, ни в загробный мир, ЗНАЙТЕ! Истину вам говорю! Умершие души говорят со мной, делятся секретами, рассказывают все о вас, –

замогильным голосом возвестила Черная Мамба.

Колдунья наклонилась ближе к камере, словно старалась заглянуть за экран и увидеть зрителей. При этом стало видно, что Черная Мамба – это симпатичная девушка, но с чрезвычайно смелым гримом. Оголилось ее левое плечо, и стала видна татуировка. Фигурка смешного человечка в колпаке, пронзенная мечом. Денис выронил шапку на пол, торопливо поднял и вновь уставился на ее татуировку.

– Все вижу в ваших душах. Ничего не скрыть, – Черная Мамба откинулась в кресле и положила руку на хрустальный магический шар на своем столе.

– Даже по фотографии найду пропавшего человека. Живого или мертвого. Сниму порчу и приворот. Предскажу судьбу.

На экране появились цифры телефонов и адрес офиса колдуньи.

– Запись по телефону. Индивидуальный подход. Гибкий тариф. Возможность дистанционного сеанса по WhatsApp, Skype, Zoom. Оплата Сбербанк-Онлайн, Qiwi-кошелек, принимаю биткоины, – деловито протараторила колдунья со знакомой офисной интонацией.

Экран погас, Константин бросил пульт от телевизора на стол с нескрываемым раздражением.

– ВО! Вот кого вам надо, гражданин начальник, на службу принять. Вся преступность изничтожите разом! – засмеялся Денис.

– В наших рядах всякой заграничной нечисти не место! Сами разберемся, нас этому учили, – заявил опер.

– Ага, она бы вам, гражданин начальник, точно подтвердила, что меня надо отпустить в отпуск. Очень вас прошу, – взмолился осужденный.

Константин молча отодвинул стакан с чаем и, насупившись, устался на просителя. Было видно, что Денис порядком ему надоел и в ближайшее время стоит ожидать жесткого ответа.

– А вы, гражданин начальник, не заметили, что за татуировка у нее на плече? Кого пришили? – защебетал Денис.

– И вообще, жуткая же баба. Черная Мамба! Я прям обалдел, аж во рту пересохло. Можно горло промочить? – Денис с невинным лицом протянул руку к стакану с чаем.

Через секунду резиновая дубинка ударила по протянутой руке. Реакция Константина была мгновенной, а спецсредство в виде палки резиновой всегда было под рукой.

– Ты чо, зэк, ополоумел? Убрал грабли быстро! – Константин вскочил.

– Простите, гражданин начальник, забылся, замечтался. Детство вспомнил. В поезде с родителями. Вот такой же чай в подстаканнике и котлетка. Извините, – Денис отступил и выставил беззащитные ладони перед собой.

– Мне насрать на твои воспоминания и мечты! Здесь зона, а не детский сад, и ты не малыш. Напакостил – отвечай. Пощады не будет. Пшел вон, пока дубиной по башке не по-

лучил! – взревел Константин.

Денис юркнул за дверь, а Константин бросил дубинку и сел за стол. Пить чай расхотелось.

Отодвинув стакан с чаем и тарелку с котлетой в сторону, Константин расчистил место на столе. Затем достал из кармана бумажник, раскрыл его и вытащил фотографию дочери. На снимке, сделанном в детском садике, Аполлония была, как всегда, серьезной, несмотря на игрушку в виде веселого клоуна в руках. Воспитатели всем детям предлагали выбрать любимую игрушку для фотографирования, но Аполлония категорически отказалась. Заявила: «Это глупо. Если нужно сфотографировать детей, то зачем нужны игрушки? К тому же у меня нет любимых, я ко всем игрушкам отношусь одинаково. Ведь это всего лишь предметы». Воспитатели настаивали, мол, так положено и заведено, фотографии детей с игрушками в руках выглядят мило и больше нравятся родителям. «Ну, если это так нужно моим родителям», – Аполлония благосклонно согласилась и взяла в руки первую попавшуюся игрушку, оказавшуюся веселым клоуном. А вот улыбнуться ее не заставили никакие уговоры воспитателей. Фотограф пытался рассмешить девочку, корчил рожи, шутил невпопад, сюсюкал, но все тщетно. Аполлония смотрела слегка презрительно и немного надменно на окружающих взрослых. Словно не она, а они были наивными детьми. Так и остался этот взрослый взгляд у дочки на детской фотографии.

Константин прислонил фотографию к настольному канцелярскому набору производства местного зоновского деревообрабатывающего цеха и прилег на стол, положив подбородок на скрещенные ладони. Он всматривался в лицо дочери, пытался понять, что происходит в ее голове и почему она взрослая не по годам.

– Я сделаю все, чтобы ты улыбалась, – прошептал он дочери.

Внезапно заверещал телефон внутренней связи, стоящий на столе. Успело прозвучать четыре противных звонка, прежде чем Константин нехотя взял трубку.

– Константин Юрьевич, звонил хозяин, он скоро будет и просил тебя через тридцать минут зайти к нему, – раздался голос дежурного.

– Принял, – ответил опер и убрал фотографию в бумажник.

Надев бушлат и шапку, он двинулся в обратный путь – за зону. Вновь решетчатые заборы и лязгающие калитки, жужжащий электрический замок, озвучить на КПП номерной пароль, забрать удостоверение и мобильник. Опять решетки, калитки, лязг металла и назойливая трель открывающихся запоров. Вот Константин уже на воле и вдыхает полной грудью свежий воздух. Расстояние всего ничего, а воздух сразу стал чище и приятнее.

Не теряя времени, Константин прошел в кабинет оперативного отдела, находящийся в здании штаба на втором эта-

же. В просторном кабинете четыре рабочих стола, компьютеры, кофеварка, диван и телефоны с городской и междугородней связью. Плюхнувшись в кресло, Константин включил компьютер и, пока техника приходила в рабочее состояние, снял верхнюю одежду. Наконец на экране монитора появилось окно поиска, и Константин ввел запрос: «Посещение вотчины Деда Мороза». Быстро полистал рекламу турфирм, предложения гостиниц и отзывы туристов. Набрал номер телефона с мобильного.

– Здравствуйте, единая служба бронирования слушает, – ответил приятный женский голос.

– Доброе утро. Мне нужна гостиница. Двое взрослых и ребенок пяти лет с посещением Деда Мороза.

– Какие даты вас интересуют?

– Ближайшие. В Рождество.

– К сожалению, вы опоздали. Все гостиницы Великого Устюга переполнены. Могу предложить только после праздников.

– НЕТ. Девушка, милая, очень вас прошу. Мне ОЧЕНЬ нужно, ради ребенка. Понимаете, дочь моя совсем не улыбается и не смеется НИКОГДА. Мы уже всех врачей и психологов обошли. Вот я и решил свозить ее в сказку. Может быть, случится волшебство? – умолял Константин с надеждой в голосе.

Девушка помолчала немного и затем ответила с сочувствием:

– Это очень трудно сделать, но я попробую. Ждите звонка.

– Пожалуйста, буду вам благодарен.

Константин подошел к зеркалу, поправил форму и прическу. Затем посмотрел на часы – еще оставалось немного времени. Он достал рабочий ежедневник и положил на край стола. К начальству необходимо прибывать с видом деловым, готовым получить важное поручение, а значит, его требуется записать в точности, как скажет лицо, облеченное властью. Только поверхностный человек позволяет себе заходить в кабинет руководителя с пустыми руками, а к таким недальновидным людям Константин себя не относил. Он давно поставил перед собой цель достичь карьерных высот, и где-то далеко за облаками ему светили, как маяки, генеральские звезды.

Выждав отмеренное время, Константин взял ежедневник и уже вышел за дверь, как раздался звонок мобильного телефона. Он торопливо зашел обратно и снял трубку.

– Алло, молодой человек, нашла! Есть один номер для вас с дочкой на два дня. Я выслала вам ссылку, надо пройти по ней, зарегистрироваться и оплатить. Только срочно, иначе уйдет, – сказал знакомый голос.

– Спасибо вам огромное! – возрадовался Константин.

Потом он шел по коридору и на ходу оплачивал гостиницу, благо в наше время личный офис и индивидуальный банк имеется в каждом приличном смартфоне. Закончил прямо перед дверью начальника ИК № 13 полковника Аптуса Вла-

димира Владимировича. Кивнул секретарю, выровнял дыхание, убрал мобильник в карман и, постучав, вошел в кабинет.

– Разрешите, Владимир Владимирович?

– А-а-а, Костя, заходи, присядь, – ответил начальник.

Полковник Аптус был уже человеком в возрасте, но довольно крупным и сильным. За своей физической формой следил и сдавал нормативы вместе со всеми сотрудниками. Мог честно подтянуться десять раз на перекладине. Характер у него был жесткий, требовательный, но справедливый. По крайней мере, так думал Константин.

Опер сел к приставному столику. Сам полковник расположился за большущим рабочим столом со стопками бумаг и отчетов, в центре которого возвышалась декоративная деревянная крепость с башенками и бойницами. Так лагерные умельцы оформили оригинальный письменный прибор с перекидным календарем, бумагой для резолюций, дюжиной остро отточенных карандашей в каждой башенке.

– Есть одно ответственное задание, и доверить его могу только тебе.

– Слушаю внимательно, – Константин раскрыл ежедневник и приготовился записывать.

– Вот документы по краткосрочному отпуску сроком на двое суток осужденного Бахусова Дениса Александровича. Конвоировать его на похороны отца будешь ты.

Полковник бросил несколько скрепленных документов

через крепостную стену, и бумаги глухо шлепнулись перед Константином. Он тупо уставился в документ, не в силах вымолвить ни слова.

– Что застыл, иди исполняй, – голос полковника прозвучал издалека, как будто в тумане.

Константин наконец смог оторвать взгляд от документа и посмотрел на полковника, тотчас в голове переключился неведомый тумблер – и он вышел из оцепенения.

– Товарищ полковник, да какой отпуск, какого отца? Бахусов еще тот персонаж, аферюга натуральный. Не может это быть правдой! – горячо заговорил Константин.

– Зато дядя у него вполне реальный и уважаемый человек. Я с ним сегодня утром встречался. Он сильно попросил за непутевого родственника. Так сказать, единственная, но **ОЧЕНЬ** ценная услуга.

– А почему я? Может, лучше отдел режима отработает или рота охраны? Я правда не могу, – взмолился Константин.

– **ТАК!** – полковник прихлопнул ладонью по столу, – приказы не обсуждают!

В наступившей тишине было слышно, как сопит насупившийся опер. Полковник поглядел на него, сменил гнев на милость и сказал:

– Костя, ну кого же мне послать, как не тебя? Рождество на носу. Эти черти напьются и чего-нибудь еще сотворят. Ищи потом, свищи осужденного Бахусова.

– Владимир Владимирович, понимаете, я с дочкой к Деду

Морозу. Уже гостиницу оплатил. Ну не могу я, – проговорил Константин тихо.

– Да я тебе потом неделю отгулов дам. Съездишь, когда захочешь. Январь весь впереди. Дед Мороз, эка невидаль.

– Не могу, – прошептал Константин.

– Поедешь! Я сказал. Я тоже не могу отказать человеку оттуда, – полковник ткнул указательным пальцем в небо.

– Нет. Не поеду. Хоть режьте. Для меня важно сейчас, чтобы дочь поправилась, – твердо заявил Константин и встал по стойке смирно.

Полковник встал из-за стола и подошел вплотную к Константину. Глаза в глаза. Положил руки оперу на плечи и легонько его встряхнул.

– Дочка твоя жива и здорова. Ну, не смеется. С кем не бывает? Отправим ее в центральный госпиталь в Москву, а летом – в санаторий на Черное море. Обещаю. А ты соберись, давай без истерик.

– К Деду Морозу, – полковник смешно, по-бабьи, запричитал, – загадать желание, а вдруг сбудется! Тьфу! Офицер, а в сказки веришь.

После шуток полковника Константин сразу обмяк и потерял внутреннюю опору. Прежнее отрицание показалось ребячеством, несерьезной глупостью. Полковник тем временем прошел за свое рабочее место, сел и спокойным голосом объявил:

– Я тебе **ДОВЕРЯЮ**, потому что с отцом твоим вместе

службу начинал. Ты парень вроде крепкий, так что сопли подбери. Дело надо делать, дело. Понял?

– Так точно, – отчеканил Константин.

– А раз понял, **ВЫПОЛНЯТЬ!** – приказал полковник.

– Есть выполнять! – ответил Константин с вернувшейся уверенностью и забрал документы Бахусова со стола.

В дежурной части было светло. Сотрудники, занятые будничной рутинной, не отрываясь от бумаг и служебного телефона, весело переговаривались и хихикали над очередной нелепой ситуацией, коих в большой зоне обычно случается по десять раз на дню. На стене висела вырезанная из дерева невесть когда цитата Петра I: «Тюрьма есть ремесло окаянное, и для скорбного дела сего потребны люди твердые, но добрые и веселые». Вот только за старостью лет изделие зоновских кустарей разохлось да поистерлось. Буква «д» в слове «добрые» отвалилась, чьими-то руками была подклеена, но неудачно и неаккуратно. Так и весела кривая, едва не отваливающаяся буква «д» в слове «добрые». Поправить никому в голову не приходило. А в целом коллектив старался соответствовать завету последнего царя всея Руси и первого Императора Всероссийского, чей портрет кисти тюремного художника-самоучки украшал стену над цитатой. Со словами «твердые» и «веселые» сотрудники ИК № 13 никаких проблем не испытывали.

Чернее тучи зашел Константин в дежурку, бросил документы на стол капитану Иванютину и сказал:

- Документы на отпуск осужденного Бахусова. Я в конвое.
- Опаньки. С чего это такая милость под Рождество? – поинтересовался Иванютин.

– Похороны папеньки. Саныч, лучше не спрашивай. Я вместо отпуска должен теперь не с семьей время проводить, а с этим обмороком.

Иванютин поднял трубку внутренней связи:

– Алло, оперативный дежурный говорит. Бахусова, пятый отряд, доставить на КПП. Срочно. Он в отпуск убывает.

Затем Иванютин достал связку ключей и поднялся, похатывая:

– Ну, пойдем в оружейку, Аника-воин, выдам тебе карамультик.

Загремели отворяемые железные двери и решетки. Откинулось небольшое квадратное окошечко, и Константин протянул туда карточку-заместитель, позволяющую получать табельное оружие. В ответ на небольшой подоконник лег журнал учета и выдачи, в котором Константин расписался. Иванютин протянул деревянную подставку с установленным пистолетом Макарова и двумя пустыми магазинами, а также деревянную планочку на шестнадцать высверленных ячеек, в которых поблескивали масляной желтизной патроны девятого калибра. Константин проверил пистолет и снарядил магазины, закрепил кобуру на поясе и поместил в нее заряженный ПМ. Амуниция была ладная, подогнанная, а культуре обращения с оружием у Константина можно только поучиться. Иванютин с восхищением наблюдал из окошечка за красивыми и отработанными движениями опера:

– Ну просто Рембо!

Через некоторое время Константин зашел на КПП со свободной, неохраняемой, стороны и остался ждать дежурного перед аквариумом между рядами решетчатых дверей. Дальше ему с оружием хода не было. Довольно скоро с зоновской, охраняемой, территории открылась дверь и прапорщик завел осужденного Бахусова, который не мог скрыть радости на хитром лице. Прапорщик захлопнул решетку, и Бахусов вытянулся перед стеклом дежурного, стянув с головы шапку и разулыбавшись во весь рот. Сегодня дежурным по КПП работала Людочка, симпатичный сержант, поэтому оголодавший без женского общества Бахусов расчувствовался еще сильнее. Однако Людочка не разделяла восторгов зэка и посмотрела презрительно, но внимательно и строго.

– ФИО, дата рождения, статья и срок, – рывкнула Людочка.

– Бахусов Денис Александрович, – невозмутимо, с улыбкой ответил зэк и продолжил перечислять свои личные данные и уголовные подвиги.

Людочка скрупулезно проверила личность осужденного по документам, а затем, удовлетворенно хмыкнув, просунула документы в щель под стеклом для Константина. Денис радостно повернулся к оперу и, взмахнув руками, произнес:

– Я же говорил, что мне нужно в отпуск!

Константин схватил его за воротник телогрейки и, развернув, впечатал лицом в решетку. Затем двумя короткими ударами ног по ступням расставил Бахусова в глубо-

кую растяжку и начал личный досмотр. Жесткие удары ладоней, как две маленькие саперные лопатки, бьющие плашмя, прошли по всему телу осужденного и не столько простукивали содержимое карманов, сколько приводили обезумевшее от предстоящей встречи со свободой тело в чувство, столь необходимое любому осужденному в российской тюрьме для выживания. Улыбка моментально слетела с лица Бахусова, зато удовлетворенные улыбки заиграли на лицах прапорщика и Людочки. Рывком за шиворот Константин поставил осужденного перед собой. Бахусов мгновенно принял стойку смиренно и замер в ожидании команд.

– Шаг влево, шаг вправо – побег.

Прыжок на месте – провокация.

Стреляю без предупреждения.

А стреляю я хорошо! – сказал Константин с выражением, не терпящим возражений.

Опер протянул правую руку и упер вытянутый указательный палец, словно дуло пистолета, прямо в лоб Бахусова. Денис сглотнул слюну, не сводя глаз с упертого в лоб пальца.

– БПУ-У-У-Х! – резко выкрикнул Константин.

Одновременно его большой палец дернулся, имитируя движение курка пистолета при выстреле, а указательный сильно толкнул в лоб, так, что голова Бахусова, переломившись в шее, откинулась далеко назад. Лицо Дениса исказилось от боли, но он мгновенно принял стойку смиренно и выжидательно посмотрел на опера.

– Вопросы есть? – спросил Константин.

– Никак нет, гражданин начальник, – ответил дисциплинированный осужденный.

– Руки! – скомандовал Константин.

Денис послушно вытянул руки вперед, и на его правом запястье защелкнулся браслет наручников. Второй браслет Константин застегнул на своей левой руке. Так и пошли, связанные одной цепочкой, зэк и опер на свободу.

Они шли молча. Плечом к плечу. Как старые приятели, которые уже обговорили все возможные темы и узнали друг друга вдоль и поперек, а теперь могли просто идти рядом без стеснения или неловкости. Просто идти куда-то вместе, понимая попутчика без слов и жестов, синхронно проходя повороты и шагая в ногу с легкой небрежностью неспешной походки.

Чтобы пройти в город, надо было перейти через мост над рекой, которая огибала территорию ИК № 13 с одной стороны. На середине моста Денис остановился и попросил:

– Гражданин начальник, разрешите на реку посмотреть? Давно не видел, соскучился.

Константин кивнул, и они подошли к перилам моста. Посмотрели вниз, где река быстрым течением уходила под бетонные опоры моста. Вода оказалась прозрачная, и сверху было хорошо видно каменистое дно, колыхающиеся в бурном потоке зеленые водоросли.

Денис захватил левой свободной рукой пригоршню сне-

га с края перил и, слепив неуклюжий снежок, забросил его чуть вперед в реку. Легкий шарик упал в воду и моментально всплыл на поверхность, затем течение поволокло тающий комок прямо под опоры моста. Снег быстро пропитался влагой. Почти подплыв к зрителям, снежок все же не достиг моста и, медленно погружившись в реку, исчез в глубине.

– Утоп, – резюмировал увиденное Константин.

– Гражданин начальник, вот у нас в отряде один философ сидит из университета, так он говорит, что мост – это древний символ перехода между мирами. А вы что об этом думаете?

– Я думаю, что если бы философ умный был, то он бы в тюрьму не попал. Так что давай, двигай, время твоего отпуска ограничено, – ответил Константин и подтолкнул зека в сторону города.

За территорией колонии лежал снег. Денис с удовольствием щурился от искрящихся на солнце сугробов и тихонько, чтобы не сильно замедлять шаг, подгребал левым ботинком белый пух, укрывший асфальт. Впереди виднелась автобусная остановка, и он осторожно глянул на опера.

– У вас, наверно, планы были на Рождество? – спросил Денис вкрадчиво.

– Ну точно не с тобой мечтал его провести, – буркнул Константин.

Вежливо помолчав пару секунд, Денис произнес:

– Извини, начальник.

Опер криво ухмыльнулся и, дернув наручники, ускорил шаг:

– Шевели булками, а то опоздаем.

К пустынному павильону с большой буквой «А» подъезжал старенький автобус. Попутчики перешли на бег и дружно потрусили к остановке.

Раскрылись двери, и Константин с Денисом запрыгнули в пустой автобус. Опер уверенно прошел по обшарпанному салону, в центре резко остановился и толкнул запнувшегося зэка на приглянувшееся сиденье. Денис продвинулся к окну, где сразу же был наглухо припечатан плюхнувшимся рядом на сиденье Константином. Автобус заурчал двигателем, и они тронулись. Зэк во все глаза смотрел в окно, наслаждался новыми картинами старых, давно знакомых улиц. Серые, грязные дороги в окаймлении припорошенных снегом неопрятных обочин и тротуаров. Тусклые дома с ядовито-яркими пятнами магазинчиков и аптек. Редкие прохожие, чапающие сквозь промозглый туман, старухи, ковыляющие с худыми продуктовыми тележками, молодежь, смолящая сигареты на крыльце алкомаркета.

– Блин, а здесь ничего за семь лет не изменилось, – вырвалось у Дениса со смесью восхищения от узнавания и горечи разочарования.

– А что тут должно измениться? – буркнул Константин.

– Ну как же? Свобода, новые там технологии, перспективы. Живи и радуйся. Строй! Кто мешает-то?

– Да ТЫ мешаешь! Все время такие, как ты, все портят! – заорал злой опер.

– А-а-а-а, ну теперь понятно, – Денис поджал губы.

Некоторое время ехали молча, подпрыгивая на ухабах. На остановке зашла старушка-пенсионерка и окинула недоверчивым взором странную парочку, других пассажиров в автобусе не было.

Денис стащил шапку с бритой покаянной головы и заголосил:

– МАТЬ! ПРОСТИ! Прости меня непутевого!

Старушка вздрогнула и спросила дрожащим голосом:

– Чего?

– Прости за все. За... ух... ты... – закончить фразу Денис не успел, захлебнувшись от резкого тычка в живот.

– Заткнись, падла, – прошипел ему в ухо Константин.

– А чего ты делаешь? Чего шпыняешь? – заступилась старушка за зэка.

– Так, гражданка, идите по своим делам, – скомандовал Константин.

– Человек сказать хотел, а ты не даешь, – не унималась старушка.

– Я сказал, сядьте на свое место! Не мешайте органам! – повысил голос Константин.

– Органы, органы. Одни органы кругом. Человеков совсем не осталось, – проворчала старушка и демонстративно напялила скрюченными пальцами затасканную медицинскую

маску на лицо. Затем с гордым видом, но печальными глазами молча проковыляла в голову салона и уселась поближе к водителю.

Константин смотрел на медицинскую маску не первой свежести, вытасченную из кармана при малейшей опасности, на сгорбленную покорностью спину, на потертый временем и бедностью гардероб – и ему стало бесконечно жаль старушку. Старость чувствует свою незащищенность и слабость, но старается до последнего сохранять достоинство как единственную опору перед отчаянием неизбежной унижительной смерти. Легко умирать молодым, да на миру, да в бою, и чтобы смерть была мгновенной. Молодость не понимает старых, немощных и больных, но Константин понял. Опер также понял, что перегнул, и его лицо покраснело от волнения.

– Слушай, начальник. Если у тебя дела какие-то важные, может, поделимся? Ты свои порешаешь, а я быстренько свои – и сразу вернусь, – как ни в чем не бывало зашептал Денис заговорщицким тоном.

– Маска эта дурацкая. Зачем она ей сейчас? – бормотал Константин.

Опер совсем не слушал эка. Старушка не выходила из его головы. Запуганная ковидом, она безропотно и привычно натянула кусок материи на рот, как главный оберег. Защиту от вирусов, слов и неприятностей. Опер смотрел на безмолвное лицо старушки, на ее ритмичные кивки головой то ли вследствие болезни, то ли в такт движению автобуса. Она

кивала головой, как послушный болванчик из лавки китайских сувениров.

– А я буду как штык, точно вовремя. Ну, договорились? – продолжал Денис.

– Чего договорились? – спросил Константин и вернулся в реальность из собственных мыслей.

– Ну, разделимся. Ты к семье, а я сам приду. Могу с подарками, – ответил Денис.

– Бля. Ты совсем с башкой не дружишь. Какие подарки? Куда приду? Ты под моим конвоем, не забыл? – Константин поднял руку и тряхнул застегнутыми наручниками.

– Ну так же обоим будет лучше. Мне новый срок за побег не катит. И так через полгода на волю. Просто тебе хотел помочь, – убеждал зэк.

– Спасибо, благодетель. Зэку веры нет, – ответил Константин.

– Зря ты так. Вот вы когда обещаете, что говорите?

– Слово офицера.

– Вот тебе слово пацана, что я вернусь через двадцать четыре часа, – поклялся Денис.

Соглашаться с зэком Константин не собирался ни при каких обстоятельствах, но сама мысль оказаться дома и провести время с семьей увлекла его на мгновение. Пока опер витал в облаках, автобус подкатил к очередной остановке.

Двери автобуса распахнулись, и в салон ворвался шум и гвалт. Как бешеные муравьи, в автобус стали забегать де-

ти младшего школьного возраста. Топот, толкотня, крики и смех заполнили все вокруг. Два класса из ближайшей школы с парой незлобиво покрикивающих преподавателей направлялись на детский Рождественский праздник. Детвора стремилась занять места поудобнее и постоянно суетилась, менялась друг с другом, призывая друзей сесть рядом.

– Давай уступим место детям, а мы постоим, – Денис толкнул Константина в плечо.

Глядя на суету и счастливые мордашки детей, Константин сразу же встал, вспомнив, как всякий родитель, о собственной дочке близкого возраста. Опер и зэк поднялись и взялись скованными руками за поручень. На их сиденье моментально уселись четыре веселых девчонки. Одна держала в руках куклу и живо показывала подружкам новый кукольный набор.

– Ой, какая красивая кукла! Как ее зовут? – спросил Денис, повиснув над девчонками на обеих руках.

– Это Барби, – гордо заявила хозяйка.

Девчонки разом засмеялись хрустальными голосами, и Константин отвернулся с горькой улыбкой. Когда он повернулся, то обнаружил, что Дениса рядом нет. Опер дернулся, и тут звякнул наручник, приковавший его к поручню. Денис же быстро протискивался к выходу через толпу школьников. Он оглянулся и, встретившись взглядом с Константином, крикнул:

– СЛОВО ПАЦАНА!

Двери захлопнулись, но Денис успел навалиться плечом и, силой раздвинув руками створки, вывалился на асфальт из отъезжающего автобуса. В первую секунду Константин дернул пистолет из кобуры, но, глядя на линию прицела поверх голов детей, остановил руку. Автобус набирал скорость, и Константин видел Дениса, который кричал ему через окно:

– Слово пацана!

Денис выдохнул с облегчением, глядя на уезжающий автобус. Он оглянулся, прикинул маршрут и побежал в сторону от дороги. Надо было спешить. Надежды, что опер поверил ему, было мало, а зрелище бегущего по городу человека в зоновской робе – не самое привычное. За любым углом можно нарваться на полицейского. Тогда все, пиши пропало.

За спиной раздался свист тормозов. Денис оглянулся. Вдали он увидел остановившийся автобус. Из задней двери вышел Константин и помахал отстегнутыми наручниками. Он смотрел прямо на Дениса. И, судя по всему, с недобрыми намерениями.

– Черт! – выругался Денис и судорожно прибавил шаг.

Константин не спеша сложил браслеты в чехол, не отрывая глаз от удаляющейся фигурки осужденного. Секунда – и Денис пропал. Двери автобуса закрылись, и он тронулся. Десятки детских лиц прилипли к окну и с интересом наблюдали за Константином. Он махнул им рукой на прощанье и шагнул в след за Денисом, постепенно переходя на бег. Опер бежал, быстро набирая скорость, ровно и легко, как породи-

стая гончая за перепуганным зайцем.

8

– Ух. Ух. У-у-ух, – Денис дышал тяжело и прерывисто.

Семь лет не доводилось бегать, максимум ходить быстрым шагом от одного забора в локальном участке до противоположного. Так эки наматывали километры бесчисленными проходками в ограниченном пространстве. Тюремный фитнес. Но сейчас бег давался непросто. Может быть, потому что бежал максимально быстро, а может быть, потому что чувствовал погоню.

Мелькали дворы, здания, узкие проходы между гаражами, детские площадки с качелями-каруселями. Вначале Денис понимал примерный маршрут, но через некоторое время запутался и бежал просто так, петляя и путая след. Главное – оторваться от преследования.

Константин же держал ритм и ровное дыхание. Он анализировал местность и срезал дистанцию там, где нужно было. Интуиция и опыт вели опера. Он чувствовал, что настигает беглеца, и поэтому сохранял полное хладнокровие.

Так они бежали, пугая прохожих и водителей редких автомобилей. Перебегая улочки наперерез, влетая в тихие дворы и выныривая из темных подворотен. Как инь и янь, темное и светлое, сила и слабость, хладнокровие и паника. Денис оглядывался и бледнел от страха. Опер висел на хвосте. Лицо Константина не выражало никаких эмоций, только в

суженных глазах блестели огоньки гнева.

Денис бросился вперед через дорогу в отчаянной попытке оторваться и чуть не угодил под колеса стареньким «жигулям». Заскрипели тормоза, Денис плюхнулся на капот и встретился глазами с испуганным дедом, вдавившим клаксон до одури, будто громкий звук может что-нибудь изменить.

– ВА-А-А-У-У, – ревел гудок на всю округу.

Непострадавший зэк злобно хлопнул ладонями по капоту автомобиля. Ему очень хотелось сказать что-нибудь обидное водителю, но легкие раздувались, как меха, и не позволяли вымолвить ни слова. Ограничившись козой из растопыренных пальцев в лобовое стекло, Денис побежал дальше. Константин, увидев происшествие, злорадно усмехнулся и ускорил бег.

– Сюда! На помощь! Полиция! – истошно заорал дедок из «жигулей», увидев подбегающего человека в форме.

Вообразив, что полицейский спешит к нему на выручку, дедок расхрабрился и выскочил из автомобиля. Слезы умиления выступили на подслеповатых глазах. Он встречал подбегающего Константина, распластав руки, как родного сына. И тем самым путался под ногами.

Константин попытался обогнуть деда, но старая гвардия не подвела, посеменила вправо-влево – и столкновение оказалось неизбежным. Опрокинув приставучего деда на жопу, опер сам еле удержался на ногах и, чертыхнувшись, побежал,

вновь набирая потерянную скорость.

– Ай. Ой. Бандиты! Оборотни! Как вас земля носит! – вопил обиженный дед, сидя на асфальте посреди дороги.

Несостоявшееся ДТП позволило Денису немного оторваться. Он заметался в глухом дворе между двух деревянных заборов, выбирая, через который перелезть. Один, слева, был окрашен ядовитой фиолетовой краской – фуксией, другой, справа, почти брат близнец первого забора, был кислотно-зеленый – вырви глаз. Странно, что в одном дворе провинциального серого города нашлись любители столь ярких цветов, но у Дениса разбираться в этом парадоксе совсем не оставалось времени. Побегав от одного к другому, он все-таки выбрал зеленый цвет и довольно лихо перемахнул через забор.

Через секунду во двор вбежал Константин и тоже заметался в мучениях выбора. Очевидно, что беглец перелез через забор, только какой и в какую сторону побежал дальше? Разноцветье сильно выделялось и полностью отвлекало внимание. Оба цвета оперу совершенно не понравились, но выбор сделать нужно было. И как можно скорее. Он замер ровно посередине двора. Быстро оглядывая разноцветные заборы, Константин заметил, что у него закружилась голова и в глазах зарябило. Тогда он перестал обращать внимание на цвет заборов и сосредоточился на изучении поверхности под заборами. Усилия увенчались успехом, и под зеленым забором он заметил на снегу свежий, четкий отпечаток подош-

вы форменного эковского ботинка. Он вскочил на забор и огляделся. Беглого зэка нигде видно не было. Константин перепрыгнул и вновь склонился над заснеженной землей. Снег был неглубокий, но все-таки давал возможность ясно прочитывать отпечатки ботинок пробежавшего человека. Как опытный следопыт из индейского племени, опер пошел по следу.

Денис вбежал в перелесок на окраине города и почувствовал себя свободным. Он оглянулся несколько раз, но погони не было. Беглец упал под деревом и вытянул уставшие ноги. Наконец можно было отдышаться и, зачерпывая ладонью снег, жадно глотать холодный пух, который моментально таял от горячего дыхания. Чуток передохнув и утолив жажду, Денис поднялся и побрел по лесочку. *Оставалось совсем немного – и он будет на месте. Тогда он положит конец своим страданиям, а потом будь что будет. Менты, новый срок. Неважно. Главное – завершить дело.*

Знакомый овраг встретил неласково. Склоны заросли колючим кустарником. Какие-то предприимчивые людишки организовали в овраге мусорную свалку. Подъезд изрезан глубокими колеями от грузовиков, а в овраге навалено всякого хлама, поломанного добра и строительного мусора.

– Твою же мать, – огорчился Денис, а потом задумался: «А может, оно и к лучшему? Точно здесь никто не искал».

Он полез на кучу мусора, осмотрелся и стал вспоминать: – Так. Тут. Или тут вроде.

Выбрав подходящее место, Денис приступил к поискам.

Стал откидывать мусор, разгребать землю подобранной палкой, заглядывать под корни раскидистых кустов. Пыхтя от усердия, он старался, но ничего нужного не находил. Ругался, в остервенении бил палкой по веткам кустов, переходил на новое место. Пар валил из-под шапки и из-за ворота телогрейки. Он рыл, как крот, и все без результата. Устав, присел передохнуть.

– Ну что, крыса, добегался? – раздался над головой знакомый голос.

Денис вскочил и замахнулся палкой-копалкой. На краю оврага стоял Константин, в правой руке у него чернел вороненый ствол пистолета.

– Давай, только дернись. Мечтаю вышибить тебе мозги, – ласково предложил опер.

Константин поднял руку с пистолетом, и Денис заглянул в завораживающее дуло. Разглядывать отверстие, из которого вылетают пули, занятие тупое и одновременно чрезвычайно увлекательное. Особенно когда дуло смотрит тебе в лоб. Тысячи людей играли со смертью в гляделки, пытаясь остановить взглядом девять граммов свинца, впрочем, с различной степенью успешности. Точной статистикой человечество не обладает. Денис решил не испытывать судьбу, осторожно выронил палку и медленно поднял руки вверх.

– Все, начальник! Твоя взяла, сдаюсь.

– Вышел сюда, – Константин указал место почище, – на колени, руки за голову.

Зэк опустился на колени и положил руки на затылок. Константин зашел за спину, прижал ботинком лодыжку беглеца к земле, не давая таким образом возможности ему встать и сопротивляться, а затем ловко защелкнул наручники на его запястьях. Потом быстро досмотрел одежду зэка на предмет оружия и каких-либо посторонних вещей.

– Да чистый я, пустой, – заверил Денис примирительным тоном.

– Ага, – весело ответил Константин и зашел спереди.

Улыбнулся опер во все тридцать два зуба и от души вломил тяжелым ботинком в живот беглеца. Боль сложила Дениса пополам, из горла вылетели нечленораздельные звуки. В глазах потемнело, дыхание перехватило так, что ни вздохнуть, ни пернуть.

Участливый опер склонился над скрюченным зэком. Денис потихоньку приходил в себя и смог сделать несколько коротких вдохов-выдохов. Константин поднял упавшую шапку и с размаху вlepил несколько раз ушанкой по лицу Дениса, приговаривая при этом:

– Погулял и хватит, пора в зону. Твой дом – тюрьма!

– Постой, погоди, умоляю, – запричитал Денис.

– ЧТО? Что ты здесь искал?

– Человек здесь погиб. Понимаешь? И не похоронили его. А теперь он ко мне по ночам является. Замучил совсем. Спать не могу от призрака этого. Найти его надо. Понимаешь? И похоронить по-человечески, – ответил Денис со сле-

зами облегчения на глазах.

Константин взял зэка за шиворот, приподнял и посадил, чтобы лучше было видно лицо рассказчика. Денис шмыгал носом и заливался слезами. Он несколько лет хранил тайну и теперь наконец смог кому-то это рассказать.

– Как камень с души, – пробормотал Денис.

– Кого ты убил? – спросил Константин, вперив пронзительный взгляд в зэка.

– Да я не хотел. Может, и не я это вовсе. Просто похоронить хочу неприкаянную душу. Понимаешь?

– Очень хорошо понимаю. Это убийство. Ты пишешь явку с повинной. Вызываем опергруппу и криминалистов. Находим труп. Ну а тебе зачтется сотрудничество со следствием, – холодным голосом отчеканил опер.

– По-по-по-о... Подожди. Чо так сразу-то. Я же доброе дело хотел сделать, – заблеял Денис.

Слезы мгновенно высохли. Сознание нарисовало страшные картины нового суда и новый срок. *За убийство лет десять дадут, наверное.* Это в жизненные планы Дениса не входило. Но теперь железная хватка отечественного правосудия вцепилась в его душу, терзаемую благими намерениями. А благие намерения, как известно, приводят в ад.

– Кого ты убил, животное?! – заорал Константин.

– Деда Мороза, – прошептал Денис.

– КОГО? – опер окаменел от изумления.

– Деда Мороза, – четко ответил зэк.

Константин сидел на корточках перед допрашиваемым и вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног. Он пошарил рукой и прислонился к куче мусора. Опера бросило в жар. Он тяжело дышал и смотрел на Дениса немного безумными глазами. Трясущимися руками Константин расстегнул воротник и хватал воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Настало время Денису удивиться:

– Начальник, ты не заболел?

Денис сидел на коленях со скованными руками и смиренно наблюдал, как опер приходит в себя. Зэк не делал попыток сбежать или напасть на своего конвоира. Никакого резона в этом не было. Он все еще надеялся довести задуманное до конца.

– Рассказывай, – прохрипел Константин, а сам незаметно достал мобильный телефон и включил диктофон на запись.

– Да что рассказывать. История стара как мир. Мне в тот год исполнилось восемнадцать лет. Мы с пацанами гужбанили, не просыхая, несколько месяцев. И вот наступило Рождество. А мы, с утра уже веселые, пошли на площадь догоняться. Залипали под «Сектор Газа», песня такая новогодняя про Снегурочку, знаешь?

Константин кивнул головой и ясно представил себе заснеженную центральную площадь городка с нарядной елкой и ледяными горками. Орет музыка, гуляет народ, детвора скачивается на ледянках с горок. Компании кучкуются и разливают алкоголь в пластиковые стаканчики. Кто шампанское, а в основном, конечно, водку. Кричат дурными голосами, поздравляют всех с Рождеством, обнимаются. Опять же хлопушки, фейерверки, бенгальские огни. Нехитрые развлечения провинциальных горожан. Парочка замерзших и замученных полицейских греются в патрульном УАЗике. Кому

охота работать, когда все вокруг веселятся и бухают?

И вот на площадь приходит компания дерзких и отмороженных парней. Молодых, горячих, не жалеющих ни себя, ни других. Идут пьяные через толпу, высматривают симпатичных девчонок или слабую жертву для забавы. Настроение приподнятое, праздничное, только не разделяет такая молодежь всеобщие радости жизни. Им подавай разгул, упоение собственной силой и безнаказанностью. Да чтобы что-нибудь досталось на халяву, чтобы отступали с испуганными глазами, уступали дорогу, девушку или кошелек. И главное, чтобы поперек всех правил, норм и приличий. Потому что они особенные, они могут все.

Среди них и наш герой – совсем молоденький Денис Бахусов, но уже активный и агрессивный, не на последних ролях. Замечает Денис вусмерть пьяного мужичка в костюме Деда Мороза. Красный халат наперекосяк, шапка набекрень, по белой искусственной бороде стекают пьяные слюни, мешок с подарками волочит за собой ослабевшая рука.

– Гляди! Дед Мороз напоздравлялся в уматину. Походу, детки его уже сегодня не дождутся. Ха-ха-ха, – указал Денис приятелям на мужичка.

– Оба-на! Давай позабавимся, мы же тоже ДЕТИ! Пусть нам сказочку расскажет, – поддержали довольно осклабившиеся пацаны.

Опасная компания окружила Деда Мороза и, взявшись за руки, начала водить вокруг него шуточный хоровод. Парни

гоготали, смеялись над наивным мужичком и отвечивали ему тяжелые пендели под вялый зад.

– *Здравствуй, Дедушка Мороз,* – горланили пацаны песню:

*Борода из ваты,
Ты подарки нам принес,
Пидорас горбатый?*

– Аха-ха-ха!!!

Мужичок подпрыгивал и содрогался от пинков, но когда оборачивался к обидчику, то получал с другой стороны следующий пинок в зад. Понимая остатками разума, что попал в западню, мужичок все ж таки оставался в благостном праздничном настроении. Ну не мог никак Дед Мороз, главный виновник торжества и почетный гость за любым застольем, осознать, что над ним просто издеваются. Природная доброта и литр водки в желудке мужичка оставались непреодолимым барьером перед осознанием реальности.

– Ребята. Ну чего вы, ребята, – бормотал Дед Мороз с укоризной.

Пацаны распаялись все больше, пинки становились все сильнее и злее, но никто из присутствующих на площади не хотел вступать в разборки с пьяной гопотой. Себе дороже будет. Наконец назревающее происшествие увидели раздраженные полицейские из УАЗика.

– ВАУ-ВАУ! – рыкнула полицейская сирена, и замигали сине-бело-красные огоньки люстры над кабиной патрульной

машины.

– Все, все! Мир, дружба, жвачка, – закричали пацаны и вскинули ладони в примирительном и успокоительном жесте.

Кто-то из гопников по-дружески, как старого приятеля, обнял Деда Мороза за плечи. Кто-то предложил мужичку выпить водки, и тот с радостью возвращения в привычный мир согласился. Народные гулянья на вверенной территории вернулись в привычное русло, и настороженные физиономии полицейских благостно отвалились от лобового стекла УАЗика в теплую глубину салона.

Не найдя лучшего развлечения, гоп-компания взяла Деда Мороза под мышки и с песнями отправилась прочь с площади. По пути мужичка поили еще водкой. Он уже не мог пить самостоятельно, проливая большую часть горячительной жидкости на бороду и одежду. Пацаны не обижались, водки было много, а Дед Мороз один, и довести его до бессознательного состояния в Рождество казалось очень веселой затеей. Говорить Дедушка Мороз уже тоже ничего не мог и отвечал расшалившимся великовозрастным оболтусам только добрым мычанием.

К двадцати четырем часам они оказались каким-то неизвестным путем на окраине городка у леса. Когда начали бить куранты на башне мэрии города, у пацанов возникла идея устроить салют. За неимением фейерверков, решили поджечь Деда Мороза.

– Прикол! Вот умора будет!

– Забегает, засуетится, моментально протрезвеет!

– Это же старый Дед Мороз! Сожжем его. Нам нужен новый, молодой, настоящий Дед Мороз! Так всегда в старину делали.

– Да нет. Это на Масленицу чучело зимы жгут.

– Пофиг кого. Зиму или Деда Мороза. Надо снять видос забойный.

– А сдохнет если?

– Да чего ему, алкашу, будет. Вон в снегу повалится, и все дела. Зато веселуха.

Деда Мороза облили водкой и подожгли полу халата зажигалкой. Мужичок присел в сугробе и задремал, ничего уже не слышал, погружаясь в омут пьяного сна. Он не заметил брызги водки, не увидел огонек зажигалки и поднимающееся по одежде пламя. Стало теплее, и это было хорошо. Блаженная улыбка расплылась по его лицу и через секунду скрылась в языках пламени.

Мужичок проснулся, встал и превратился в огромный живой факел. Для голодного огня было заготовлено много вкусного: пропитанная спиртом одежда, набитый ватой костюм Деда Мороза, длинный парик и окладистая борода. Пылающий человек раскинул руки и шел, словно слепой, не видя дороги, прямо в лес, приближаясь к оврагу.

Первый восторг у пацанов сменился тихим ужасом от увиденного. Уж очень быстро и сильно вспыхнул огонь. Пол-

ностью объятый пламенем мужичок осветил все вокруг, и хмель слетел со всех присутствующих моментально.

– Бля. Хорошо горит, – промолвил один.

– Чего делать-то? Может, пожарных? – спросил Денис.

– Все. Поздно. Кабздец котенку, – ответил самый опытный.

Горящий человек сделал пару шагов в полной тишине. Только трещал огонь, пожирая свою добычу. Еще шаг, и, споткнувшись, огненный факел кубарем полетел по склону в овраг. Пацаны подошли к краю и посмотрели вниз. Человеческая фигурка на дне ложбины несколько раз дернулась и наконец затихла, облизываемая огнем со всех сторон. Со стороны все выглядело так, будто в костер бросили ненужную, надоевшую, сломанную куклу.

– Завоняло паленым.

– Чо делать-то будем? – спросил Денис.

– А ничего, закопаем в снегу, ветками забросаем. Весной найдут, а к нам не привяжут. Мало ли в лесу трупов.

– Видео удали, и всем молчать об этом.

Денис смутно помнил, как оттащили тело в сторону, как забросали снегом и сухими ветками. Сильно пахло гарью, и от сладкого, тошнотворного запаха паленого мяса к горлу подкатывало все содержимое желудка. Дениса вывернуло наружу, и он проблевался так жестко, как никогда до и никогда после. Тело несчастного мужичка обуглилось, местами обгорело так сильно, что вместо пальцев рук из черных культей

торчали косточки, совсем недавно бывшие пальцами. Лицо пострадало больше всего. Вместо глаз – пустые глазницы; нос сгорел, оставив вместо себя две безобразные дырки; на месте рта – распахнутая обожженная нижняя челюсть. На удивление, самыми сохранившимися оказались зубы, бессовестно белеющие на фоне жесткой корки подгоревшей человеческой плоти. Они побрезговали брать труп голыми руками, воспользовались длинными палками и оттолкали в подвернувшуюся яму. Вот только точное место Денис вспомнить никак не мог.

– И что было дальше? – спросил Константин.

Самочувствие опера пришло в норму, и теперь он внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова, ни жеста, ни мимики на лице рассказчика. Денис замолк, посмотрел удивленно и как-то задумчиво, словно заглянул внутрь самого себя.

– Дальше? Ничего хорошего. Только я не сразу это понял. Жил по-прежнему. Совестью не мучался. Однако с этого проклятого Рождества жизнь моя пошла под откос.

Денис загреб скованными руками чистого снега и энергично растер лицо. Тающие снежинки стекали медленно, оставляли струйки воды на покрасневшей коже. Зэк посмотрел куда-то вдаль и продолжил исповедь:

– Учебу бросил. Девушку любимую тоже бросил. Вернее, это она меня бросила. Гулял, бухал. Деньги нужны – воровать стал. В итоге у хозяина оказался.

Зэк сплюнул с отвращением и посмотрел в глаза оперу зло и пронзительно. Так, словно был в обиде на весь окружающий мир за свою загубленную жизнь.

– Да не хотели мы убивать! Думали, весело будет! – отчаянно крикнул Денис.

Константин молчал. Дежурные юридические слова или моральные нравоучения сейчас были излишни. Иногда человек сам все знает, но признать очевидные вещи не может. Любое давление воспримет враждебно и только еще сильнее станет упорствовать. А собеседнику всего лишь нужно помолчать и выслушать. Ведь нет над человеком судьи более честного, чем он сам. Если станет врать и изворачиваться, то даже вердикт Господа Бога покажется ему несправедливым. А если будет смел и правдив, то примет человек участь свою без слабости и жалости.

Денис тяжело вздохнул и продолжил:

– Пару лет назад мне приснился Дед Мороз, как он горел. Жалко его стало. Потом стал приходить во снах, искал меня. Совсем измучил, нервы истрепал. Тогда я понял, надо найти труп и похоронить. Чтобы душа его упокоилась. А иначе мне жизни нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.